

ному 22 июля 1835 г. и отправленному в Томск кузнецким городничим Касаротовым:

«...Сего июля 14 числа пополудни в 4-м часу с полуденной стороны от молнии и громового удара в верхнем этаже каменной церкви Спасопреображенского собора на иконостасе против правого крылоса опалило по местам часть золота: на колокольне капитель, над образом святые троицы гирлянда и раковину, ниже вкось к диаконским дверям тумбу, у дяческих дверей раму, в алтаре у висящего над престолом образом святого духа также опалило часть золота; за иконостасом в стену втянуло кирпич, снаружи у колокольни с западной стороны в крыше повредило две доски и под оною крышею у двух каменных колонн сорвало немного щека-турку и вдоль по оным сделались трещины. С полуденной же стороны у колокольни из стены вырван кирпич, все сии повреждения по осмотрении моем со строителем означенного собора 3-й гильдии купцом Иваном Конюховым оказались неопасными»⁷.

Несмотря на «неопасность» повреждений, церковь пришлось вновь освящать — и не только потому, что строительство, после 42-летнего затяжного долгостроя, наконец-то завершилось. 6 августа в Кузнецк приехал томский епископ Агапит, а за день до этого присланный от него протоиерей Созонт Крутков освятил не весь собор, а только верхний этаж, то есть ту часть, куда ударила молния⁸. Но это — попутно. Интересно другое: из документа явствует, что Конюхов — строитель собора. Стало быть, в этом качестве ему не пристало поддерживать слухи, — а, вернее, подтвердить истинную суть вещей, — о безынициативности населения и неторпливости строительства, которое велось чуть не полвека, — по велось...

Храм на кладбище. — Есть и еще аргументы, подтверждающие «естественную неестественность» затронутых нами историй, помимо многолетне пустующего храма в селе Подгороднем или чудовищно затянутых сроков строительства собора, отчасти возведенного, к слову сказать, бесплатным трудом 80 подневольных арестантов, которых «пригнал» на работы генерал-губернатор Федор Михайлович Паскевич⁹. Интересен случай со строительством еще одной церкви — Кладбищенской.

Из дел тобольского архива узнаем о подробностях. Так, 22 ноября 1805 г. кузнецкий священник Хмылев доносит «великому господину Высокопреосвященнейшему Антонию, архиепископу Тобольскому и Сибирскому и Кавалеру» о нижеследующем:

«Сего ноября 18-го дня, — пишет Хмылев, — в поданном в здешнее правление прошении живущая в городе Кузнецке умершего сына боярского Степана Хабарова дочь девица Дарья прописывает: что имеет она ревностное жилище и усердие при имеющем-

ся города Кузнецка кладбище, где похороняются мертвые тела, сколько своим радением и старанием, и паче помощью, обещаваемою усердствующими города Кузнецка жителями, соорудить каменную во имя Успения Пресвятыя Богородицы церковь и просить о построении оной Кладбищенской церкви и для сбора от добродотных дателей для скорейшего построения и лучшего украшения благолетия церковного по Тобольской епархии (выдать) на три года шнурную книгу»¹⁰.

Томские и тобольские власти колебались долго. Но полгода спустя, в апреле 1806 г. наконец-то «разрешились» указом, предписывающим по неимению в Кузнецке специального землемера кузнецкому городничему, градскому главе и члену магистрата «под строение сказанной церкви место отвести и правительству рапортовать»¹¹.

В Кузнецке, однако, не торопятся и лишь год спустя, в мае 1807 г. рапортуют епископу, что «под строение оной церкви место отведено», и направляют в Тобольск «план с фасадом»¹². Проходит еще три месяца, и только 4 июля, (по данным И. Конюхова 26 июня) строительство начинается:

«...в городе Кузнецке Кладбищенская церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы, — сообщали из Кузнецка, — ...сего июля 4-го числа соборне обложена, а что в представляемом к Вашему Преосвященству фасаде показана из алтаря наверх лестница, где намерение было соорудить ризницу, но как она требует лишних издержек, то по совету граждан ныне оставлена, кумпол же по размеру Вашего Высокопреосвященства непременно сооружен быть имеет, о чем Вашему Высокопреосвященству Кузнецкое Духовное Правление сим нижайше доносит»¹³.

Итак — два года неторопливой переписки. Место для строительства, наконец, найдено. Но поиски оно и вся сопутствующая тому переписка выглядят несколько странно: церковь-то Кладбищенская, так где же ей стоять, как не на кладбище? А в это время в Кузнецке уже пятнадцатый год идет строительство собора, очевидно, достаточно приторможенное. Дарья Хабарова надеется на добродотных дателей и пишет об этом в духовное правление. Напрасные надежды. Денег не хватает, и это знают все, — иначе не переделывали бы в спешке план, исключая из него столь важную деталь, как возведение лестницы из алтаря в ризницу. Да и от самой ризницы отказались и, стало быть, в Успенской церкви ризы, всю церковную утварь и прочие ценности хранить будет негде. Видимо, хотели отказаться и от купола. Но, как следует из документа, епископ уже утвердил его размеры, так что очередной экономии средств не получилось.

Через несколько лет умерла Дарья Хабарова, на смену ей при-

шел Феофан Зиновьевич Ананьин. Но это мало что изменило в истории воздвижения Кладбищенской церкви, ибо строительство ее продолжалось... 30 лет¹⁴. Еще один долгострой — памятник неудовлетворенному тщеславию «девицы Дарьи» и как бы ответному мягко-благожелательному равнодушию всего остального провинциального мира.

За приведенными выше многолетними долгостроями стоит неизбежный вопрос. Зачем возводить храмы, которые то пустовали, то проходили стадию вымученных десятилетиями «родов», то были настолько неукomплектованы, что вполне обходились без ризниц, а иной раз, как будет сказано ниже, — без Антиминсов и иконостасов. И тогда — храмы ли это?

Разумеется, как и в случае с собором, И. Конюхов не ищет ответа на вопрос «зачем». Ведь Дарья Хабарова — его близкая, с детских лет знакомая, и добрая наставница, обучавшая его славянской азбуке, часослову, псалтырю и письму¹⁵. Так мог ли он ставить под сомнение сам смысл затеянного ею дела?

Церковь без икон. — Все сказанное выше удивительно совпадает по тональности с мнением Захария Кроткова о принятых в уезде обычаях: «лишь бы окрестить (или постронть! — авт.), а там живи, как знаешь». Но вот выстроен собор, открыта Кладбищенская церковь, давно укомплектован клиром Христорождественский храм. Изменилось ли что-нибудь в «подходе к вопросам» в обиходе кузнецан? Обратимся к документам.

1868 год. В пределах 14-го благочиния Кузнецкого округа, подведомственного в ту пору уже знакомому нам священнику Павлу Стабникову, — три недостроенных церкви. Николаевская церковь в селе Калтанском строилась десятый год, но, как следует из рапорта Стабникова от 24 января, по несостоятельности прихожан, не имела не только иконостаса, но даже икон. В улусе Сарачумышском Троицкая церковь строилась восьмой год, но приходской священник, что упоминается в том же источнике, совершал богослужение на... походном Антиминсе, и поэтому прихожане об освящении этой церкви не просили епископа вовсе. То же самое можно сказать о строящейся третий год Ильинской церкви села Основского — она тоже не была освящена, поскольку не имела необходимых церковных принадлежностей¹⁶.

Тем не менее в делах томского архива отложились письма отдельных прихожан, желавших ускорить затянувшиеся «возведения». Нарымский мещанин Николай Занин, к примеру, описывал такой случай, приключившийся в Сарачумыше:

«...Отставной казачий урядник Иван Андреев Бражников был нездоров и приказал детям своим достать священника. Один сын ездил в Куздеевский Миссионерский Стан, за 40 верст к священ-